

пучок кривых. Пересечение сингулярностей происходит в поле, которое представляет собой некое условное поле, поле идеального взаимодействия. Назовем его не просто «диаграммой», а «топограммой». Однако идеального совмещения быть не может, оно происходит только в констелляции каких-то точек и может варьироваться в зависимости от смещения позиций, экспозиций и диспозиций агентов социальности. Иными словами, всякая согласованность несет в себе элемент несогласованности. Следовательно, толерантность в современности нужно понимать как динамичный процесс поиска различных пересечений и сцеплений между людьми, людьми, которые поняты не как индивиды или группы индивидов, а как агенты различных телесных и коммуникативных техник, т. е. в качестве социальных сингулярностей.

А. Б. Белоусов

Уральский государственный университет,
г. Екатеринбург

СООБЩЕСТВО, ПРИСВОЕНИЕ ЧУЖОГО И ТОЛЕРАНТНОСТЬ

Вести спор о том, какую толерантность стоит считать подлинной, возможно, гораздо сложнее, нежели проявлять толерантность в повседневном опыте, ибо до сих пор менее всего понятно, как осуществима толерантность в научном сообществе, равно как и в любом другом сообществе. Общая стратегия толерантности может быть выражена следующим образом: чем меньшая толерантность будет проявлена к противоположным мнениям в ходе выяснения подлинной толерантности, чем в меньшей степени место толерантности будет занимать ауто-толерантность, тем большая толерантность будет обнаружена на выходе.

Следуя данной стратегии, дискурс, обращенный к сообществу, обнаруживает два подхода к толерантности.

Первый из них представляет собой *автономный дискурс толерантности*: дискурс, вещающий из толерантности, на ос-

новании толерантности и ради толерантности. Утверждать, что дискурс толерантности уже сформирован, пока преждевременно, но все предпосылки для этого имеются. Автономный дискурс толерантности ориентируется на *естественную толерантность*, ту толерантность, которую мы встречаем в повседневном опыте как принятие отклонения от должного в мыслях или в поведении, принятие своего несогласия с отклонением, отказ влиять на отклонение и т. д. (Мы пользуемся определением Матраверса из его работы «Проблемы толерантности в англо-американской философии», но на его месте могло стоять любое другое традиционное определение.)

Второй из них является дискурсом, в любом стремлении достичь тождества социального — будь то тождества общественного мышления/поведения или тождества в мышлении о социальном — обнаруживающим действие *социальной метафизики*. Для такого дискурса толерантность, в ее автономном или естественном варианте, выступает не чем иным, как последней попыткой достичь общественного согласия, когда все говорит, что никакого согласия быть не может. Отказываясь следовать социальной метафизике, данный дискурс обнаруживает происхождение естественной/автономной толерантности в *присваивающей интервенции сообщества*. Ибо толерантность ни за что не упустит самый подходящий момент проявить себя — момент присвоения чужого, поскольку *присвоение чужого* определяет меру должного, меру отклонения и меру принятия отклонения как меру присвоенного.

Возникновению фигуры чужого социальная философия обязана сдвигу логики социального в сторону сообщества, благодаря которому кто присутствия уже больше не есть Я, и, заявляя о себе как о потере Я, говорит о себе как о Мы. Таким образом, базовое для социальной онтологии отношение «Я — другой» меняется на «Мы — чужие». Как фигура Мы, так и фигура чужого являются результатом действия доминирующей логики сообщества — логики присвоения, — ибо только *присвоение сообщества* позволяет его членам представлять сообщество, в буквальном смысле быть представителями сообщества, говорить от его имени — говорить Мы, адресуя свои высказывания не-членам сообщества, чужим и таким образом присваивая их. Доминирующей логикой сообщества выступает

присвоение, поскольку как таковое сообщество фундируется благодаря присвоению сообщества своими членами; до тех пор, пока в полной мере не реализовано членство, пока Я не получает право говорить от имени Мы, никакого сообщества вообще нет. После первичного фундирующего присвоения следует ряд других присвоений, таких как присвоение иных сообществ и их членов как чужих и т. д. Однако все присвоения, следующие после фундирующего и касающиеся индивидов, надо считать *вторичными присвоениями*, ибо присвоение членов иных сообществ — чужих — осуществимо лишь на основании факта членства чужого, т. е. присвоение чужого было бы невозможным, если бы он сам не состоял в каком-либо ином сообществе. Логика присвоения мобильна в том смысле, что вторичное присвоение может легко оказаться первичным, ведь, согласно логике сообщества, индивид вне сообщества не идентифицируется как таковой. Принадлежность индивида к тому или иному сообществу абсолютна, и его личная история представляет собой череду вступлений в различные сообщества — начиная с дружеского круга и заканчивая гражданством — и выходов из них. Смена членства начинается с присваивания его как члена иного сообщества, т. е. без присвоения его как чужого смена членства невозможна, и начинаться она может только с вторичного присвоения.

Теперь можно уже по-новому взглянуть на толерантность в логике сообщества. Ибо толерантность определяется не только вторичным присвоением чужого, но и потенциальной возможностью перехода от вторичного присвоения к первичному. В принципе, толерантность возможна постольку, поскольку возможно *со-существование сообществ*, поскольку индивид может одновременно присваивать несколько сообществ и переходить из одного сообщества в другое. Исходя из предложенной логики присвоения чужого сообществом, выделяются три стратегии толерантности: *терпимость*, *индифферентность* и *враждебность*. Каждой из них соответствует особый способ со-существования сообществ.

Стратегия *терпимости* к чужому таит в себе расчет, что за вторичным присвоением чужого последует первичное присвоение сообщества, ставшего его членам чужим.

В стратегии *индифферентности* к чужому скрыт отказ от

присвоения чужого, к которому сообщество абсолютно индифферентно, в отношении которого у сообщества нет никаких планов — посторонний чужой, вечно вторичное присвоение.

В стратегии *враждебности* переход от первичного присвоения к вторичному более чем невозможен и представляется немыслимым предательством.

Три представленные стратегии толерантности — терпимость, индифферентность и враждебность — в рамках автономного дискурса толерантности взаимоисключают друг друга. Таким образом, если автономный дискурс толерантности руководствуется требованием выработки аутентичной концепции толерантности, а требование аутентичности, по сути, единственное, следуя которому, дискурс толерантности способен поддерживать свою автономность, тогда концепт толерантности исключает ауто толерантность. В этом, пожалуй, основной парадокс толерантности, разрешать который в рамках автономного дискурса толерантности нет смысла, поскольку, как мы сформулировали в самом начале статьи, развитие автономного дискурса толерантности подчинено количественному принципу: чем меньшая толерантность будет проявлена к противоположным мнениям в ходе выяснения подлинной толерантности, тем большая толерантность будет обнаружена на выходе.

Д. В. Лебедев

Уральский государственный университет,
г. Екатеринбург

ПРОБЛЕМА РИТУАЛА И ТОЛЕРАНТНОСТЬ

Исследование ритуала в традиционных (архаических) и современных «обществах» позволяет обнаружить два возможных понимания толерантности.

Ритуал разворачивается между двумя полюсами: нарушенным равновесием и первоначалом — сакральным актом установления гармонии и порядка. Развертывание действия направлено в сторону первоначала, задающего меру подобия ритуала. Ритуальные действия уподобляются акту творению мира и